

18+

Елена Лукина

Астероид L974

Елена Лукина

Астероид L974

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62703827

ISBN 9785005144775

Аннотация

В ваших руках автобиография, главной героиней которой является в меру воспитанная, в меру чуткая и не в меру талантливая женщина, подарившая жизнь не только двум непоседливым дочерям, но и множеству прекрасным дизайн-проектам. Волнения, радость, переживания, истории детства, любовь и расставания – все это вы найдете на страницах этой книги. Елена убеждена, что счастье обитает всюду, стоит лишь сместить фокус – и вы увидите его.

Содержание

Я опять почти летаю!	6
Глава 1. Девочка из аула	9
Глава 2. Пронзительные серые глаза	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Астероид L974

Елена Лукина

© Елена Лукина, 2020

ISBN 978-5-0051-4477-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Солнце не знает правых.
Солнце не знает неправых.
Солнце светит без цели
кого-то согреть.
Нашедший себя подобен
солнцу.**

Солнце и грело, и ослепляло меня на поляне, лежащую среди душистого горошка, гвоздик, колокольчиков и нежно-фиолетовых цветов, чей запах напоминал вкус молочного шоколада. Щурясь, я поочередно закрывала свои глаза, устремляя свой взор высоко в небо на облака сквозь листву берез, думая о том, как бы я нарисовала этот огромный и бесконечный мир. **Мне 7 лет.**

Звезды. Зимняя ночь. Рядом моя собака. Я опять **почти «летаю»**, почти там, где высоко и невесомо. **Мне 14 лет.**

Казахстан.

Я всегда состояла только из своих ощущений и убеждений, что порой мешало моему продвижению. Так мне хорошо. Понятно и уютно.

Я опять почти летаю!

Мои работы всегда состоят на 90% из моих внутренних переживаний и на 10% из моего умения реализовывать себя в материале. Я рисую, или шью костюмы, или строю. Чтобы «взяться» за работу и «прожить» ее в более короткий и динамичный срок, мне необходимо много ничего не делать, внешне «лениться». **Все внутри меня настраивается, словно готовят музыкальный инструмент к концерту.** Так и мне необходимо изначально внутри себя обрести, прочувствовать, «прозвучать» и выявить на свободу, на обсуждение.

Мой отец всегда задавал в детстве один и тот же вопрос: **«Для кого ты рисуешь, если не любишь показывать никому свои работы?»** Я рисовала много и убирала в папку. Это его удивляло, и не впервые я слышала объяснения о том, что художники рисуют для кого-то. Я рисовала для себя. Я знала: если понравилось мне, то будет интересно другим, в противном случае это мусор. К окончанию школы мнения моих родных разделились – со стороны отца я в династии врачей. С другой же, маминной, все художники, возводили храмы, писали иконы, мой дядя был ведущим гравером Златоустовской школы мастеров, его мать, Чернова Тамара Васильевна, сестра моей бабушки, была одной из самых известных золотошвеек нашей страны. Обо всем этом

я узнала позже. Я получила свое образование на базе Художественного Графического факультета МГПИ, **Магнитогорск. Мне 17 лет.**

Челябинск. Мне 25 лет. Работу педагога совмещаю с выставками молодых художников в стенах выставочного зала Союза художников России. Создаю костюмы. Участвую в показе мод. Вступаю в Союз дизайнеров России под девичьей фамилией – Лукина Елена. Строю.

В строительство ушла позже на долгих 17 лет. Это чертежи и запах грунтовки с краской, пыль, глаза людей, ждущих того, что будет дальше.

Адреналин, азарт, усталость, общение, результат.

Для многих клиентов выполняю по три-пять объектов, всегда разных. Не могу сказать, что объединяет мои проекты. Приезжая на объект, в пустое пространство, мне важно его «прожить» самой, увидеть, для кого, **глаза человека, его внутренний настрой, накал.** В реализации я очень жесткий и требовательный человек. Но, приходя домой, могу плакать. Но если чуть отступлю, это будет уже «чужое» пространство для того, кто заказывал интерьер. Это меня ранит.

Когда отдаю папку с эскизами, меня спрашивают: **«Как вы поняли, что именно об этом мы мечтали?»** Проект и реализация всегда совпадают. В этой книге вы можете

*познакомиться с моей графикой и стройками, костюмами и моими арт-объектами. С каждым из вас я буду **смотреть, думать, проживать** то, что уже за плечами. И всегда с любовью к своим **родителям, к бабушке с дедушкой, к своим дочерям Еванжелине и Таусии**, с уважением к Вам. **Мне 46. Севастополь – Челябинск – новая глава моей жизни.***

Глава 1. Девочка из аула

Земля, дающая силы.

Так уж сложилось в моей жизни, что я переезжаю из страны в страну, из города в город. В детстве наша обширная территория имела одно общее название – Советский Союз. Мои молодые родители уезжают из Челябинска на целину в Казахстан, где я и родилась – в отдаленном ауле Красная Пресня, и только сейчас, имея интернет, можно увидеть этот населенный пункт на карте Казахстана населением в 1100 человек. Уехали мы из аула, думаю, лет в пять, так как в сознании остался дом, забор и собака. Папе дали должность и дом «в придачу» в поселке городского типа Боровой, где я и окончила среднюю образовательную школу и стала готовиться к поступлению в институт.

В поселке была маленькая художественная школа, куда меня и привела мама.

*В средней школе дисциплин ИЗО и черчение не было, специалисту было или неинтересно преподавать материал, или же он не владел знаниями. Выбрав направление на поступление и понимая, что шансы очень малы, **папа** отдает меня на поруки художнику из Алма-Аты, прилетевшему по-*

править свое здоровье в туберкулезный санаторий республиканского значения, которым заведовал мой отец. Уроки были ежедневными, натюрморт в цвете и графике. Преподаватель был пожилым и очень «сухим» человеком, как будто болезнь истощила его изнутри.

Меня и сейчас поражает воспоминание о том, с каким интересом и насколько эмоционально и ярко он наблюдал за рисующей мной.

Он говорил о свете и тени, объеме и фактуре.

Сейчас я понимаю, насколько это важно уметь удивляться и в 40, и в более осознанном возрасте. Все становится логичным, понятным и предсказуемым, и только у самых честных, может быть, мудрых и в то же время наивных творцов все еще есть эта детская способность открывать мир заново и возможность рисовать, сочинять и искренне смеяться.

Улетая, мой наставник предложил отцу рассмотреть мое поступление в **Алматинский вуз**, где он взял бы «шефство» над расширением моих возможностей как профессионала. Отец отказывается. Сейчас его решение кажется простым и логичным – страна стояла на пороге развала, все республики отделились от России. Я получила бы отличное образование, но Казахстан – это страна, где происходит четкое деление людей по жузово́й классификации –

то, что определяет уровень жизни. У меня остались детские воспоминания, благодарность к моему учителю и одна из работ, подаренная им мне. И сколько бы я ни переезжала, его работа путешествует со мной. Я тот человек, который любит детали, они являются составляющим моей жизни. Рядом со мной всегда присутствует отголосок дедушки – его серебряная ложечка, круглая, с казахским узором на основании ручки. Когда он ее вручил, мне было лет семь, сказав: «Эту ложку мне подарил мой отец, и я надеюсь, Ленка, ты сохранишь ее, как хранил ее я в память о моем отце. В ней частица мудрости поколений и любви». Всю войну он прошел с этой чайной ложкой. Путешествует со мной еще несколько необычных вещей, но о них позже.

Наша семья жила в Больничном городке в доме на две семьи. Почему так называлась улица – комплекс больничных зданий, а рядом дома для сотрудников и семей этих сотрудников.

О соседях у меня остались теплые воспоминания.

Георгий Семенович, врач, хирург и отец моего друга детства Андрея и его сестры Оли, тетя Люда, зубной врач. Мы сообща мастерили на заднем дворе шалаши, забирались и по вечерам рассказывали истории вымышленные и не очень, глядя на звездное небо. С Андреем закапывали в огороде банки с грибами и ягодами, чтобы зимой раско-

пать и кормить зверей. А как мы все вместе с родителями и детьми врачей играли в футбол вечером на лесной поляне или пекли картошку. Все жили очень дружно. Детей моих ровесников плюс или минус было очень много, и смех был повсюду. Не могу не вспомнить историю, как мы с моей подругой Таней Шварц нашли банку и старались ее открыть – посмотреть ее содержимое – и разбили ее, в ней была кислота, и как бежали к ее маме, врачу-педиатру, с криками, прося тетю Нину о помощи, видя свои тела в крови, конечно, остались небольшие шрамы, но остался и опыт. **Как вместе пили весной березовый сок и бегали в сентябре после школы за грибами, катались зимой на льду, ходили по очереди всей ватагой в гости, уплетая все, что росло на грядках и было в закромах дома.** Помню и музыкальные инструменты, такие, как домбра у моей другой подруги Алуаши, что с казахского можно перевести как «восточная сладость». Было смешно, и попадало, конечно, от родителей, но я этого не помню.

Пили березовый сок и бегали за грибами.

Очень важное осознание пришло ко мне по окончании института, что если я и приеду, то не найду улыбчивых глаз моих соседей-друзей и их родителей. Все поспешили разъехаться в годы перестройки. Кто в казачью станицу, а кто и вовсе в Германию. Я приезжала в Казахстан раза два

по восстановлению документов. **Воздух все так же удивительно пах травами и молоком.** Все изменилось, и только тетья Тоня Садчикова все так же радушно встретила меня, почти все, как и прежде, мы стали взрослее, а наши родители и их друзья старше. Я отказывалась верить этим переменам и своим глазам.

Глава 2. Пронзительные серые глаза

Пронзительные серые глаза были у моего отца, Лукина Геннадия Петровича, сколько себя помню.

Взгляд мог быть обращен к человеку или же направлен «в себя», отец словно погружался в мир айсбергов, в хмурую и дождливую непогоду.

Этот взгляд и способность ранить словом были всегда присущи моему отцу.

Я благодарна ему за то, что, понимая, каким бы я стала врачом, он разрешил мне пройти свой жизненный путь.

Отец был «на своем месте». Бодр и резок в суждениях, профессия врача-рентгенолога и должность главврача наложили отпечаток на его образ жизни и мысли. Блестяще окончив Челябинский медицинский институт, он уезжает с моей мамой и сестрой в «глушь». Работает судмедэкспертом, рентгенологом и заведует Туберкулезным санаторием.

*Заведует как главврач недолго: **порядочность, краткость и категоричность** в суждениях, думаю, не позволяли в данной структуре обходить краеугольные камни. Я долго не принимала его манеру общаться, обсуждать все проис-*

ходящее в жизни, но, к счастью, оказалась неправа, думая о нем, как и о других врачах, сухих и циничных людях.

Каждый день встречаясь с болью других людей и неся ответственность за поставленный диагноз, он не приносил эту боль в дом, нашу семью. Я видела, как он замыкался в себе и много, очень много курил «Беломорканал» и думал.

Ребенок войны, рожденный в 41 году, вставший на ноги в пять лет, борющийся всю свою жизнь с полиартритом, он знает цену жизни и что есть боль.

Это его, я так думаю, и направило на освоение этой профессии.

*В свои 43 года, когда отцу показалось, что жизнь вошла в свою обычную колею, он поступает в Московский институт им. Патриса Лумумбы и оканчивает отделение иностранных языков. Его **фразы на латыни или на французском** остаются воспоминаниями о моем детстве, но одним из самых любимых и запомнившихся мне его занятий было чтение.*

Ежедневно папа читал, обсуждая свои открытия в классической литературе и привлекая нас в свои дебаты.

Мама в ответ улыбалась красиво своей белоснежной улыбкой, а нам с сестрой не по силам было сие занятие.

Библиотека в нашем доме была обширной.

*Надо упомянуть, что в те годы, в Советском Союзе, книги были большой редкостью, их появления с нетерпением ждали и обменивались ими. Сейчас все это вытесняет многоликий интернет-ресурс. Я буду надеяться, что **моя книга будет интересна читающим людям**. Я, только взяв в руки «живую» книгу и перелистывая шуришащие страницы, могу ощутить всю гамму написанных букв, собирающихся в слова, фразы и мысли, чувства пишущего. Помню, как я еще маленькая стучала своим кулачком в дверь комнаты отца.*

Зная, что он читает, приносила ему апельсины или яблоки и осторожно ставила эту тарелку на тумбу рядом с ним.

Каждое воскресное зимнее утро отец ставил всю семью на лыжи. Мы жили практически рядом с лесом, а в сказке написали бы «на лесной опушке» – да так и было. У каждого из нас были свои лыжи. Любимым занятием моего отца было приводить в порядок лыжи и обувь всех домашних. Самое яркое воспоминание, живущее в моем сердце, это пикник на поляне: папа берет меня на руки маленькую, думаю, мне года три, поднимает над собой на вытянутых руках, мы смеемся. Так было далеко не всегда. У папы хватало терпения относительно меня. Вернувшись как-то из поездки в Питер в классе седьмом с отстриженны-

ми впервые волосами до плеч, он встретил меня холодным взглядом и ушел спать в свою комнату.

Как-то мой отец сказал мне: «Лена, у тебя не голова, а „Дом советов“, но иногда все парламентареры уходят».

Думаю, так и есть. Отрицать было бы бессмысленно.

*Я часто была непослушным ребенком, жизнь кипела и бурлила во мне, что радовало деда и огорчало моего отца. Папа поддерживал мое поступление в институт, купив мне книгу по вузам нашей страны, и после моего прочтения и заметок на полях внес свои коррективы. Конечно, **он мечтал о врачебном поприще для меня**, было много разговоров в доме, и все его обоснования и логические размышления дробились моими чувствами и переживаниями. Понимаю сейчас его как никогда лучше, когда у моей старшей дочери «отлично» по биологии и химии, но она так же отказывается рассмотреть для себя эту специальность.*

С папой в моей жизни наступали периоды полного отрицания и противодействия. Мы могли не общаться год или полгода, но это не убавляло понимания важности его как отца в моем мире.

Папа поддерживал меня после рождения первой моей дочери, приходя, он заботился о своей внучке, купая ее еже-

*дневно и давая мудрые советы по воспитанию и содержанию ребенка. Еву, мою старшую дочь, он всегда называл **Моя Фарфоровая Куколка**.*

*Папу привлекали утонченные женщины, с фарфоровой кожей, тонкие и ранимые. **Мама была очень яркой, эмоциональной и устремленной, словно тысячи светлячков радовались жизни в ее изумрудных глазах. Я, пожалуй, и не могу вспомнить ни слез мамы, ни слез отца в моем детстве.***

Отец задавал вектор моего развития, он как маяк, о который я неоднократно в бушующие эмоциональные дни разбивалась, а точнее, разбивались мои устремления, подобно волне. Так было и по выходу московского журнала Salon, где была небольшая статья о моем творчестве. Мама была уже после инсульта, и радость в ее глазах означала лишь одобрение, отец же, напротив, столкнувшись с глянцевым журналом, лишь усомнился в моем прогрессе как специалиста, назвав его платным ежемесячным изданием и не более.

Какая же разная была реакция на одно событие у отца и матери. Так и останется для меня загадкой формула любви моих мамы и папы.

Ты смеялся, когда я просила разбудить меня, чтобы нарисовать рассвет, я, растрепанная, в пижаме, водила пальцем и говорила: «Розовый, оранжевый, фиолетовый и перехо-

ды небесно-голубого. Все, я запомнила, можно идти спать». И ты смеялся от души, глядя на меня, и мне было смешно.

*Ты много сделал для меня в области образования, это было с твоей точки зрения **самым ценным ресурсом, который ты мог мне предложить. И я ценю это, пап.***

*На юге, пообещав нам купить с сестрой все, что угодно, я **попросила ролики, и ты нашел их** – в восьмидесятые годы, когда только вышел фильм с Муравьевой, где она катается на таких же. Это было удивительным событием. Позже они исчезли – после того, как я сломала свою руку, покатавшись на них, но меня никто и не ругал, просто их не стало. А на шестнадцатилетие **ты подарил мне песню, а вернее, заказал по телевидению** – меня поздравили и включили клип Жанны Агузаровой, просто у тебя были знакомые везде и повсюду, и ты смотрел на мою реакцию, да, **это было волшебством.** Ты и спрашивал всегда с нас строго. Уроки, увлечения – все обязательно курировалось тобой, пап. **Мы ходили с тобой на концерты,** тогда это была всеми любимая Роза Рымбаева.*

Наши шкафы ломались от платьев и кофточек, ты сердился, но по возможности баловал нас новыми и современными вещами, уж больно мода вещь быстротечная.

Пишу эти строки и понимаю, что мы в разных городах и тебе важна моя поддержка, как была важна и мне твоя,

когда я оказалась одна из взрослых в своей семье, и к первым я пришла к вам с мамой за помощью, и вы ее мне дали.

А как ты приехал ко мне в институт на мой день рождения и обеспечил праздник мне и моим друзьям, разве я могу это забыть? На столе вино и фрукты. Сам же ушел к Колосковым, нашим родственникам в Магнитогорске. Я вырезала из твоего классического тренча себе куртку, и ты не ругал меня, только сердился, уходил курить на веранду, а возвращаясь, говорил: «Давай научу тебя шить» – и рассказывал, как в семидесятые ты шил себе классические брюки. Твою фотографию, где ты стоишь на Красной площади в Москве, я тихо вытащила из семейного альбома и не могу ее никак найти, пап, ты в кеги и пальто, молодой, радость и полет читаются в твоей позе. Ты удивительным образом носил бороду, и она тебя делала импозантнее

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.